

ИНСТИТУТ ВСЕОБЩЕЙ ИСТОРИИ РАН

Казус

Индивидуальное
и уникальное в истории

Антология

Новое
Литературное
Обозрение

2022

УДК 930
ББК 63.0
К14

Редакторы серии «Интеллектуальная история»
Т. Атнашев и М. Велижев

Редакторы подсерии «Микроистория»:
О.Е. Кошелева, М.А. Бойцов, М.Б. Велижев, Е.В. Акельев

Составители: *Е.В. Акельев, М.Б. Велижев*. Ответственный секретарь: *О.Е. Кошелева*. Научные редакторы: *О.И. Тогоева, И.Н. Данилевский*. Рецензенты: доктор исторических наук *Д.А. Редин*, доктор исторических наук *А.Ю. Сергина*

Казус. Индивидуальное и уникальное в истории: Антология / Сост. Е.В. Акельев, М.Б. Велижев; науч. ред. О.И. Тогоева, И.Н. Данилевский — М.: Новое литературное обозрение, 2022. — 488 с. (Серия «Интеллектуальная история» / «Микроистория»)

ISBN 978-5-4448-1834-3

Микроистория ставит задачей истолковать поведение человека в обстоятельствах, диктуемых властью. Ее цель — увидеть в нем актора, способного повлиять на ход событий и осознающего свою причастность к ним. Тем самым это направление исторической науки противостоит интеллектуальной традиции, в которой индивид понимается как часть некоей «народной массы», как пассивный объект, а не субъект исторического процесса. Альманах «Казус», основанный в 1996 году блистательным историком-медиевистом Юрием Львовичем Бессмертным и вызвавший огромный интерес в научном сообществе, был первой и долгое время оставался единственной площадкой для развития микроистории в России. Первая часть настоящей антологии знакомит читателя с текстами по теории, давшими импульс «казусному» направлению в современной отечественной историографии, а вторая часть — с напечатанными в первых пяти номерах альманаха исследованиями. Эти работы помогают проследить, как применяются и развиваются методологические принципы, сформулированные Ю.Л. Бессмертным и другими авторами «Казуса». Книга положит начало новому проекту издательства «НЛО», посвященному микроисторическим исследованиям.

УДК 930
ББК 63.0

© Авторы, наследники, 2022
© Е.В. Акельев, М.Б. Велижев, состав, 2022
© Д. Черногаев, дизайн обложки, 2022
© ООО «Новое литературное обозрение», 2022

Содержание

<i>О.Е. Кошелева.</i> «Микроистория»: несколько слов к читателю новой книжной серии	7
<i>Е.В. Акельев, М.Б. Велижев.</i> И снова «Казус»?	18
<i>О.Ю. Бессмертная.</i> Лаборатория «Казуса»: о статьях Ю.Л. Бессмертного	28
 <i>Часть 1. Размышления о «Казусе», историческом знании и историках</i>	
<i>Ю.Л. Бессмертный.</i> Что за «Казус»?..	54
<i>М.А. Бойцов.</i> Вперед, к Геродоту!	78
<i>П.Ю. Уваров.</i> Апокатастасис, или Основной инстинкт историка	III
<i>Ю.Л. Бессмертный.</i> Многоликая история (проблема интеграции микро- и макроподходов)	137
 <i>Часть 2. Казусы в поведении, праве и политике на западе и востоке Европы в IX–XX вв.</i>	
<i>Н.Ф. Усков.</i> Убить монаха...	152
<i>Ю.Л. Бессмертный.</i> Это странное ограбление...	192
<i>О.И. Тогоева.</i> Брошенная любовница, старая сводня, секретарь суда и его уголовный регистр (интерпретация текста или интерпретация интерпретации)	207
<i>М.А. Бойцов.</i> Неутешный вдовец, или Тяжба со Смертью	245

<i>П.Ю. Уваров.</i> Два брата-адвоката	269
<i>О.В. Дмитриева.</i> Йоркширский «Расемон» (провинциальная трагикомедия елизаветинских времен).	286
<i>О.Е. Кошелева.</i> Побег Воина	313
<i>Л.А. Пименова.</i> Как судейский крючок женился на герцогине, или Три версии одной истории	357
<i>Е.М. Михина.</i> Недолгая жизнь Николая Сунгурова	393
<i>А.И. Куприянов.</i> «Пагубная страсть» московского купца	432
<i>В.П. Смирнов.</i> Судьба одной речи (18 июня 1940 года: эпизод — событие — символ)	459
Сведения об авторах	486

«Микроистория»: несколько слов к читателю новой книжной серии

Молодой историк Михаил Николаевич Покровский (1868–1932) в октябре 1895 г. впервые читал лекцию слушателям Высших женских курсов. Темой он избрал «Киево-Печерский патерик» — сборник житийных рассказов о монахах киевского монастыря XI–XIII вв. Выбор был не случаен — это единственный русский памятник столь ранней эпохи, из которого можно было узнать о жизни людей того времени — с удивительным количеством бытовых подробностей в сочетании, однако, с «религиозной фантастикой» («чертями и ангелами»). Курсистки слушали с интересом, тем не менее Михаил Николаевич остался собою недоволен: он говорил «не то, что нужно». Политическая сознательность и уже начавшееся увлечение марксизмом подсказывали ему, что необходимо иное — рассказ о закономерностях исторического развития, о причинно-следственных связях, которые помогут понять его слушателям происходящее сегодня в стране и обществе¹. С этих пор Покровский посвятил себя именно такой истории, став ведущим историком-марксистом в Стране Советов.

Этот случай иллюстрирует банальную истину о том, что история, преподносимая читателям историками-профессионалами, бывает разной, зачастую она не совпадает с ожиданиями ее «потребителей», не вписывается в их представления об устаревшем и новаторском. Поэтому, открывая

1. Чернобаев А.А. «Профессор с пикой», или Три жизни историка М.Н. Покровского. М., 1992. С. 12.

новую серию книг под названием «Микроистория», читателя необходимо прежде всего ввести в курс дела: здесь будут публиковаться отечественные и зарубежные исторические труды, которые придется по сердцу любителям прошлого как такового, с его вкусами и запахами, предразсудками и пристрастиями, радостями и страданиями, то есть со всем тем, чем в полной мере обладает художественная литература, но о чем, как правило, умалчивают исторические сочинения.

Свойство прошлого — всегда оставаться загадочным, ведь его уже нет, и потому его невозможно увидеть отчетливо, исследователям приходится до крайней степени напрягать зрение, прибегать к увеличительным стеклам, чтобы рассмотреть его детали, различные мелкие события и ничем не примечательных людей, случайно попавших в объектив. Они интересны не сами по себе, они — незначительные следы, по которым возможно увидеть ход событий, наподобие того, как это блестяще проделывал сыщик Шерлок Холмс, чтобы раскрыть очередное таинственное происшествие¹. Именно о такой «уликовой парадигме», сходной с криминальным расследованием, к которой прибегают в своих штудиях историки, писал один из основателей микроисторического направления Карло Гинзбург². Однако микроисторик соединяет в себе не только «Шерлока Холмса», но и «доктора Ватсона», умевшего интересно *описать* историю. Безусловная сильная сторона микроисторических исследований — это хороший рассказ. Читатель как бы приглашается следовать за авторами в проводимом ими «дознании»: исследователи открыто рассказывают ему о своих мыслительных процедурах, сомнениях, колебаниях, эвристических находках.

1. Аналогия микроисторических подходов с методом расследований Шерлока Холмса особенно подчеркнута в: Muir E. Introduction: Observing Trifles // *Microhistory and the Lost Peoples of Europe. Selections from Quaderni Storici* / Ed. by E. Muir and G. Ruggiero. Baltimore; L., 1984. P. 7–8.
2. Гинзбург К. Приметы. Уликовая парадигма и ее корни // Гинзбург К. Мифы — эмблемы — приметы: Морфология и история. Сб. статей. М., 2004. С. 189–241.

Что же дает нам сегодня такое исследование? Интересно ли оно без отношения к настоящему? Для кого-то — да, а для кого-то — нет. Но связь с нашим временем, хотя и не обязательно четко проявленная, есть всегда. К примеру, часто можно услышать мнение о том, что люди во все времена остаются одинаковыми в своих надеждах, мыслях, эмоциях, поведении: они не меняются. Так ли это? В микроисторических исследованиях близкая встреча с людьми прошлого дает богатую пищу для размышлений над этим вопросом. Так, жизнь, раздумья, поступки деревенского мельника Меноккио, жившего во Фриули на северо-востоке Италии в XVI в., оказались в центре внимания одного из самых известных произведений в области микроистории — книги «Сыр и черви» Карло Гинзбурга¹. Ему удалось благодаря сохранившимся документам инквизиции произвести анализ каждого слова, так или иначе произнесенного Меноккио, многое узнать об этом человеке, в то время как от других «народных» религиозных мыслителей не сохранилось почти ничего. История Меноккио — феномен, получивший название «нормальное исключение» (или «исключительное нормальное», англ. *ordinary exception*, фр. *exceptionnel normal*, итал. *eccezionale normale*). Его определение как явления, сочетающего в себе как типичные, так и нетипичные черты, было впервые сформулировано итальянским историком Эдоардо Гренди². Именно таким и был Меноккио: с одной стороны, совершенно обычным крестьянином-мельником, с другой — необычным для представителя своего социального слоя философом-примитивистом, пошедшим на казнь за свои убеждения, не уступив в мужестве Джордано Бруно.

Возможно, читатель, заглянув в Википедию, решит, что «микроистория» — это рассказ о маленьком человеке или о небольшом происшествии. Это не так. Микроистория

1. Гинзбург К. Сыр и черви. Картина мира одного мельника, жившего в XVI в. М., 2000.
2. Grendi E. Micro-analisi e storia sociale // Quaderni storici. 1977. Vol. 12. № 35. P. 512; Гренди Э. Еще раз о микроистории // Казус. Индивидуальное и уникальное в истории — 1996 / Под ред. Ю.Л. Бессмертного и М.А. Бойцова. Вып. 1. М., 1997. С. 291–302.

может поставить в центр внимания любую сферу жизни прошлого: экономическую, политическую, социальную, культурную, военную, образовательную и многие другие. Но при этом оптика исследования окажется специфическим образом «смещенной»: выбранный сюжет будет взят «крупным планом» — чтобы рассмотреть все его «мелочи» и «детали» (такой процесс исследования называется «плотное описание», от англ. *thick description*), которые дадут о предмете новое, иногда совершенно неожиданное знание. Оно либо дополнит существующее «общее положение», либо войдет с ним в противоречие.

Возьмем, к примеру, монографию немецкого историка Ханса Медика¹. Она была написана в связи с проектом по изучению процесса индустриализации в Германии. Какие сельские и городские общины сумели выжить при наступлении на них капитализма? Сам Х. Медик характеризовал свое исследование как «проблемно ориентированную „историю целого в подробностях“»². Он начал изучать жизнь ткацкого сельского местечка Лайхинген в Швабии с XVII по XIX в. во всех ее деталях: состав населения, отношения между людьми, процедуры наследования, кулинарные пристрастия, мода, круг чтения, нравственные ориентиры и верования и т.д. Статистические данные сочетались с историями жизни конкретных жителей селения. В результате выяснилось, что для лайхингенцев главной ценностью и опорой для выживания были протестантская этика и культ трудолюбия, но при этом происходило постоянное наследственное дробление мелкой собственности, разрушавшей их благосостояние. «Пиетистская набожность, швабское трудолюбие и привязанность к мелкой собственности образовали характерный синтез, наложивший глубокий отпечаток на местный образ жизни», заключал немецкий исследователь³.

1. *Medick H. Weben und Überleben in Laichingen: 1650–1900: Lokalgeschichte als Allgemeine Geschichte* (Veröffentlichungen des Max-Planck-Instituts für Geschichte. Bd. 126). Göttingen, 1997.

2. *Медик Х. Микроистория* // *Thesis*. 1994. Вып. 4. С. 197.

3. Там же. С. 198.

Казалось бы, ярко выраженный протестантизм местных жителей должен был подтвердить общепринятое суждение Макса Вебера о том, что он порождал «дух капитализма», являлся его основой. Однако случай селения Лайхинген оказался также «нормальным исключением»: здесь «вариант протестантской этики во всяком случае не только не способствовал утверждению „духа капитализма“, но и вплоть до конца XIX в. препятствовал укреплению капиталистических структур с их столь высоко развитым ремесленным производством»¹. Это случилось из-за нацеленности местных жителей не на коммерческий успех в жизни, о котором писал Вебер, но только на выживание из последних сил. В результате автор приходил к следующим размышлениям: «В длительные и многослойные периоды перехода к современности не являлись ли исключения скорее правилами и не должна ли в связи с этим гипотеза о единообразном или даже едином историческом процессе модернизации быть последовательно демонтирована, а затем постепенно вновь реконструирована?»²

Книга Ханса Медика — не единственная в изучении жизни различных поселений в рамках микроисторического подхода, его продолжили другие ученые³.

К настоящему времени это направление исследований собрало немалый «золотой фонд» работ, ставших классическими и высоко оцененными читателями. В целом они получили два разных вектора развития: культурный и социальный⁴. Здесь невозможно дать даже самый краткий их

1. Там же. С. 199.

2. Там же.

3. *Sabeau D.* Property, Production and Family in Neckarhausen 1700 to 1870. Cambridge, 1990; *Schlumbohm J.* Lebensläufe, Familien, Höfe: die Bauern und Heuerleute des Osnabrückischen Kirschspiels Belm in proto-industrieller Zeit, 1650–1860. Göttingen, 1994. S. 20; Прошлое — крупным планом. Современные исследования по микроистории / Под ред. М.М. Крома. СПб., 2003, и др.

4. *Черутти С.* Микроистория: социальные отношения против культурных моделей // Казус. Индивидуальное и уникальное в истории — 2005 / Под ред. М.А. Бойцова и И.Н. Данилевского. М., 2006. Вып. 7. С. 354–375.

обзор¹, но позволительно ограничиться теми единичными их упоминаниями, без которых совсем обойтись нельзя. Ведь в разных странах микроистория развивалась своим особым путем и никогда не представляла собой единого направления. Более того — в большом споре о том, могут ли микроисторические штудии вносить свой вклад в «глобальную» историю или нет, одни исследователи считают, что, безусловно, да, другие — что, без сомнения, нет, поскольку это совершенно разные подходы к прошлому, которые не должны мешать друг другу²; достаточно распространено и мнение о том, что макро- и микроподходы суть взаимодополнительны³. Так, Н.Е. Копосов в принципе отрицал саму возможность существования микроистории⁴, хотя в дальнейшем назвал ее основой «новой парадигмы» (или, вслед за французскими историками, «прагматическим поворотом») исторических исследований⁵. Отсутствие у микроистории какой-либо общей концептуальной базы и наличие разных аналитических подходов отличают ее от более монолитной макроистории и делают непродуктивной для тех читателей, кто мыслит исключительно глобальными категориями. Существует немало исследователей, равно как и читателей, философского склада ума, им важны рассуждения высокой абстракции — процессы, закономерности, структуры человеческого общества и т.д.,

1. Таковые обзоры существуют, и к ним может обратиться заинтересованный читатель: *Кром М.М.* Историческая антропология: Учебное пособие. СПб.; М., 2010; *Magnússon S., Szijártó I.* What Is Microhistory? Theory and Practice. L.; N.Y., 2013.
2. *Magnússon S., Szijártó I.* What Is Microhistory? P. 10–11. См. также: *Суарто И.* Бог в деталях. Четыре аргумента в защиту микроистории // Казус. Индивидуальное и уникальное в истории — 2017 / Под ред. О.И. Тогоевой и И.Н. Данилевского. Вып. 12. М., 2017. С. 301–307; *Магнуссон С.* Войти в одну реку дважды // Там же. С. 308–322.
3. *Бессмертный Ю.Л.* Проблема интеграции микро- и макроподходов // Историк в поиске. Микро- и макроподходы к изучению прошлого / Под ред. Ю.Л. Бессмертного. М., 1999. С. 297–298. См. с. 137–150 этой книги.
4. *Копосов Н.Е.* О невозможности микроистории // Казус. Индивидуальное и уникальное в истории — 2000 / Под ред. Ю.Л. Бессмертного и М.А. Бойцова. Вып. 3. М., 2000. С. 33–51.
5. *Копосов Н.Е.* Как думают историки. М., 2001. С. 45.

житейские мелочи их совершенно не интересуют. Это серьезные оппоненты микроистории, обнаруживающие в ней многие «методологические изъяны»¹.

Тем не менее нельзя не отметить, что историческое познание может быть разным. Оно совсем не обязано иметь концептуализированную форму, хотя мы не можем отказывать микроистории в полном отсутствии концептуальности. Микроисторическое исследование в значительной степени концентрируется на *качественном* описании реалий и событий прошлого и на их авторском, профессиональном интерпретировании. Такое знание не столько *объясняет* прошлое, сколько *рассказывает* о нем, демонстрирует его в подробностях, расширяя и уточняя представления читателя. Историописание как раз и призвано через показ «прошлого» и его интерпретацию давать читателю понимание «иного», «чужого», научить критическому осмыслению собственного времени, которое так скоро тоже превратится в «прошлое».

Несмотря на ярко выраженный авторский почерк микроисторических книг и их тематическое разнообразие, они имеют легко узнаваемые общие черты: «плотно»² описанная неординарная ситуация, в которой действуют реально существовавшие в истории персонажи. Обычно (но не всегда!)³ это простые, ничем не примечательные люди. В микроистории их часто именуют «актерами» (от англ. глагола *to act*), поскольку они интересны не просто реконструированной биографией, а тем, как они *действуют*, какие жизненные стратегии используют для собственного успеха или, что чаще, для выживания, характеризуя тем

1. Об этом см.: *Krom M.M.* Историческая антропология. С. 98–103, 111–113; *Magnússon S., Szijártó I.* What Is Microhistory? P. 119–133.

2. Понятие «плотного», или «насыщенного», описания (*thick description*) было введено Клиффордом Гирцем: *Гирц К.* «Насыщенное описание»: в поисках интерпретативной теории культуры // Гирц К. Интерпретация культур. М., 2004. С. 9–42.

3. Например: *Ferrone V., Firpo M.* From Inquisitors to Microhistorians: A Critique of Pietro Redondi's *Galileo eretico* // *The Journal of Modern History*. 1986. Vol. 58. № 2. P. 485–524; *Гунзбург К.* Загадка Пьеро: Пьеро делла Франческа. М., 2019, и др.

самым общество своего времени¹. «Простые люди» живут обыденной жизнью, в которую, однако, постоянно вторгается власть и указывает, что им следует делать и как думать. Не выступая против нее открыто, «маленький человек» ищет, как ему выгоднее поступать в диктуемых сильными мира сего обстоятельствах². Микроисторические исследования раскрывают повседневную сторону исполнения этих условий, со всеми трудностями, трагедиями, уловками и успехами «маленького человека» перед лицом бюрократической машины, поэтому такие исследования часто называют «историей снизу» (*history from the bottom*).

Зачем она нужна и кому интересна, эта история обывателей? Под пером микроисторика такие люди превращаются из пассивного объекта истории (какими всегда оставались «народные массы») в ее субъекта, в «актеров», оказывающих влияние на ход событий своими совершенно обыденными действиями и принимающими собственные решения по поводу властных директив, проявляя таким образом «своенравное упрямство» (*Eigensinn* или *Eigen-Sinn*), по выражению Альфа Людтке³.

Поясню свою мысль на одном примере. Если бы люди, высланные из родных мест властью Петра Великого на строительство новой столицы, безропотно повиновались его малокомпетентным указам, а не приспособливались

1. Как пишет Н.Е. Копосов, новый поворот середины 1990-х гг. в изучении истории основан именно на таком «субъектном» опыте микроисследований: «В центре новой парадигмы находится возвращение субъекта, иными словами, акцент на сознательных, субъективных аспектах социального действия, противоположный характерному для „функционалистских парадигм“ (таких, как марксизм, структурализм или психоанализ) поиску надличностных, объективных факторов, детерминирующих развитие общества» (*Копосов Н.Е. Как думают историки. С. 45*).
2. Scott J.C. *Weapons of the Weak: Everyday Forms of Peasant Resistance*. New Haven, 1985. P. XVI. Русский перевод: *Скотт Дж. Оружие слабых. Повседневные формы крестьянского сопротивления // Крестьяноведение. Теория. История. Современность. Ежегодник. 1996. С. 55*.
3. *Людтке А. Рабочие, Eigensinn и политика на германских предприятиях в 1880-е — 1914 годы // История повседневности в Германии. Новые подходы к изучению труда, войны и власти. М., 2010. С. 84–130.*

самостоятельно к условиям, осложненным как природными тяготами, так и самим правительством, мы бы никогда не увидели блистательный Санкт-Петербург¹. Эта сторона микроистории, безусловно, значима, поскольку она демонстрирует *включенность* каждого обычного человека в то, что происходит вокруг него, и его конкретную ответственность, а это мало кем осознается. По словам венгерского микроисторика Иштвана Сиарто, «когда вместо того, чтобы описывать карающие системы, которые калечат и убивают людей, микроисторики направляют свое внимание на то, как люди созидают, поддерживают, подтачивают и в конечном счете разрушают системы, они раскрывают особое значение людских действий и ответственности за них и, таким образом, призывают ответственно относиться к будущему»² (перевод мой. — О.К.). И прекрасные достижения человечества, и его самые позорные страницы, такие, например, как инквизиция, фашизм или сталинизм, рассматриваются не только через вождей и лидеров, как это принято в традиционной «глобальной» истории, но и через деятельность и сознание «маленьких людей».

В последние годы подходы микроистории, которая прочно заняла свое место среди других методов познания прошлого, стали для многих исследователей «общим местом», они используют их без всяких отсылок к источнику. Множество подобных работ в настоящее время появилось не только в области изучения Средневековья и Нового времени, но и применительно к Новейшей истории³. Именно исследования «снизу» жизни в предвоенной Германии показали процессы зарождения нацизма не в верхах, а в низах общества⁴. «Под микроскопом» изучается и советское

1. Подробнее: *Кошелева О.Е.* Люди Санкт-Петербургского острова петровского времени. М., 2004.
2. *Magnússon S., Szijártó I.* What Is Microhistory? P. 69.
3. См.: *Журавлев С.В.* Микроистория: заметки о современном состоянии // Человек на поворотах XX века. Краснодар, 2006. С. 60–83.
4. *Людтке А.* История повседневности в Германии. Новые подходы к изучению труда, войны и власти. М., 2010; *Browning C.* Ordinary Men: Reserve Police Battalion 101 and the Final Solution in Poland. N.Y., 1992.

общество различных периодов¹, особенно его малые социальные группы, например зарубежные специалисты, работавшие на московском Электрозаводе², или одна, но особого уровня школа в Москве³ и — в порядке сравнения — одна обычная в Кирове⁴. Микроистория придала определенный импульс плодотворному направлению «истории субъективности» советского периода, построенному в основном на письмах и дневниковых записях простых людей⁵. С.В. Журавлев обращает внимание на огромный потенциал источников советского времени, которые до недавнего времени относились к «третьесортным», но при микроисторическом подходе стали, напротив, первосортными⁶.

В России микроисторические исследования разных иностранных авторов издаются давно, имена Карло Гинзбурга, Натали Земон Дэвис, Роберта Дарнтон и других хорошо известны отечественному читателю. В Италии в 1981–1991 гг. в издательстве «Эйнауди» выходила книжная серия «Microstorie», которая послужила своеобразной «рабочей площадкой» для итальянских микроисториков. В России подобную роль сыграл альманах «Казус», основанный Ю.Л. Бессмертным. Этот опыт вряд ли сегодня возможно повторить, но от него невозможно и отказаться. Серия «Микроистория» издательства «Новое литературное

1. *Лебина Н.Б.* О пользе игры в бисер. Микроистория как метод изучения норм и аномалий советской повседневности 20–30-х годов // *Нормы и ценности повседневной жизни: становление социалистического образа жизни в России, 1920–1930-е годы* / Под ред. Т. Вишавайнена. СПб., 2000. С. 9–26.
2. *Журавлев С.В.* «Маленькие люди» и «Большая история»: иностранцы московского Электрозавода в московском обществе в 20–30-х годах. М., 2000.
3. *Holmes E.L.* Stalin's School: Moscow's Model School No. 25 (1931–1937). Pittsburgh, 1999.
4. *Holmes E.L.* Kirov's School No. 9: Power, Privilege, and Excellence in the Provinces, 1933–1945. Kirov, 2008.
5. Например: *Хелльбек Й.* Революция от первого лица. Дневники сталинской эпохи. М., 2021.
6. *Журавлев С.В.* Микроистория: заметки о современном состоянии. С. 72–79.

обозрение» позволит сконцентрировать в едином русле работы данного направления и дать возможность его почитателям следить за новинками в этой области. Книги серии познакомят читателей со свежими микроисторическими исследованиями отечественных авторов, а также при помощи переводов дадут новую жизнь в русскоязычной среде иностранным классическим произведениям.

И снова «Казус»?

Новая книжная серия «Микроистория» не случайно открывается публикацией антологии, посвященной «Казусу». Основанный Юрием Львовичем Бессмертным в 1996 г., альманах об индивидуальном и уникальном в истории стал первой и долгое время оставался единственной «площадкой» для развития микроистории в России. Теперь, после выхода в 2020 г. последнего, пятнадцатого выпуска «Казуса»¹, настало время обобщить и осмыслить полученный опыт. С этого и стоит начинать новый виток научной беседы о судьбах и перспективах микроистории в России, чему, мы надеемся, и послужит книжная серия издательства «Новое литературное обозрение». Однако наш интерес к «Казусу» имеет не историографический и уж тем более не «антикварный» характер. Мы убеждены, что исследовательская программа, предложенная основателем и авторами альманаха, далеко не исчерпала своего потенциала. Более того, может быть, именно сегодня она как раз особенно актуальна. Читатель сможет сам составить о ней полное представление, обратившись к включенным в первый раздел нашей антологии программным статьям Ю.Л. Бессмертного, а также предисловию к ним, написанному его дочерью, историком О.Ю. Бессмертной, тщательно воссоздавшей академический и интеллектуальный контекст их появления на свет. Для нас же как составителей важно обратить внимание на основополагающие принципы исследовательской программы создателя альманаха, которые

1. *Тогоева О.И., Данилевский И.Н.* Прощание с микроисторией? // Казус. Индивидуальное и уникальное в истории — 2020 / Под ред. О.И. Тогоевой и И.Н. Данилевского. Вып. 15. М., 2020. С. 386–396.

имели важное значение при отборе «казусных» статей, составивших этот сборник.

Здесь, однако, стоит оговориться. Мы отдаем себе отчет в том, что концепция «Казуса» на протяжении 25-летнего существования не оставалась неизменной. Так, М.А. Бойцов и О.И. Тогоева в статье 2007 г., посвященной подведению итогов 10-летнего развития российского альманаха о микроистории, указывали на пятый выпуск как на рубежный: «Очевидно, что наша нынешняя трактовка „казуса“ сильно изменилась по сравнению с первоначальной, как изменилось и многое другое в содержании альманаха, начиная с пятого его выпуска. Этот рубеж был задан кончиной Ю.Л. Бессмертного, которая привела к переменам в составе редакции». В другом месте редакторы «Казуса», характеризуя изменение «контента» альманаха, отмечали:

Тема индивида и его девиантного поведения, весьма отчетливая в первых выпусках, теперь, похоже, ушла в тень, в то время как немного больше внимания стало уделяться всевозможным ритуалам, судебным процедурам, знакам власти, пророчествам и вообще экзотическим «странностям». Посмотрим, окажутся ли такие предпочтения временным этапом или же устойчивой тенденцией в эволюции «Казуса», но страницы альманаха, естественно, не закрыты и для совершенно иных сюжетов — они и сейчас присутствуют в немалом числе¹.

Альманах продолжал развиваться и в последующие годы, когда им руководили О.И. Тогоева и И.Н. Данилевский. В этой связи мы обязаны предупредить читателя, что в рамках настоящей антологии составители сосредоточились именно на *первом этапе* развития «Казуса». При этом мы надеемся, что в скором времени появится еще один ее выпуск, посвященный следующим этапам эволюции альманаха.

В первой программной статье Ю.Л. Бессмертный пояснял, что из всей богатой смысловой палитры понятия

1. Бойцов М.А., Тогоева О.И. Дело «Казуса» // Средние века. Вып. 68 (4). М., 2007. С. 158–159.

«казус» редакторы обратили внимание прежде всего на следующие значения: «случай», «происшествие», «событие». Иными словами, данный подход предполагал в первую очередь осознанное наведение исследовательского фокуса на какой-то конкретный случай, происшествие или событие прошлого с целью его детального всестороннего изучения и как возможно более подробного и «насыщенного» его описания. Но «казусы» бывают разные: «случай исключительный, неожиданный или же случай банальный, ординарный; случай как конфуз и случай как образец и т.п.» (с. 54 в этой книге). Из всех возможных «казусов» прошлого наибольшую ценность в рамках интересующей нас исследовательской программы представляют именно случаи *уникальные, исключительные и неожиданные* — как для исследователей, так и для самих современников¹. Почему?

Ю.Л. Бессмертный противопоставлял предложенный подход историографической традиции изучения сериальных данных с целью выявления «больших социальных структур, долговременных процессов, глобальных закономерностей», так же как и истории ментальности, игнорировавшей изучение индивидуального и конкретных социальных практик (с. 57 в этой книге). Анализ «типичных казусов» оставляет исследователя на той же самой почве сериальной истории, позволяя лишь получить *отдельные примеры* заранее известных всеобщих структур и «больших»

1. Примечательно, что в статье «Многоликая история» Ю.Л. Бессмертный использовал выражение «незапрограммированная ситуация» и понятие «казус» (без кавычек) как синонимичные: «процессы исторического развития выступают как отличающиеся дискретностью, прерывностью, облегчающими появление „незапрограммированных“ ситуаций и казусов» (с. 141 в этой книге; курсив наш. — Е.А., М.В.). Подводя итоги десятилетия развития «Казуса», М.А. Бойцов и О.И. Тогова отмечали, что изначально «в основе концепции альманаха <...> лежала прежде всего идея „индивида“, выпадающего из единого ряда „конформистов“, способного в той или иной мере противостоять нивелирующему воздействию общих норм (пускай не на политическом уровне, а „всего лишь“ в сфере „частной жизни“), создавая новые модели поведения и тем самым способствуя изменению общих норм, а в конечном счете и социума в целом» (Бойцов М.А., Тогова О.И. Дело «Казуса». С. 150).

процессов. Следует отметить, что отличить типичный казус от уникального может только большой знаток того или иного периода истории, ибо зачастую то, что нам сегодня кажется удивительным, для иных времен было типичным, и наоборот. Поэтому найти уникальный казус в прошлом — редкая удача для исследователя.

Намеренное фокусирование на «нестандартных казусах» открыло перед историками совершенно особую перспективу. «Сверхзадачей» (а вместе с этим и отличительной особенностью) предлагаемого подхода Ю.Л. Бессмертный считал «осмысление возможностей», доступных рядовым акторам в различных социокультурных пространствах. Отвечая на вопросы участников дискуссии (состоявшейся 23 сентября 1996 г.) вокруг нового альманаха и его исследовательской программы, Ю.Л. Бессмертный пояснял:

Соглашусь, что индивидуальное поведение может изучаться и через анализ случаев, в которых человек выбирает между разными вариантами принятых норм. Но наиболее показательны все-таки казусы, в которых персонаж избирает вовсе не апробировавшийся до сих пор вариант поведения. Это может быть поведение, пренебрегающее нормами или, наоборот, абсолютизирующее их (и потому шокирующее окружающих попыткой воплотить недостижимые для большинства идеалы). В таких случаях виднее, что может человек данной группы в данное время и в данной конкретной ситуации; этот тип казусов показательнее для решения нашей сверхзадачи — осмысления возможностей отдельного человека на разных этапах исторического прошлого.

<...> приобретает особую актуальность и проблема роли отдельного человека в разные периоды прошлого. В каких пределах обладал он свободой воли, насколько мог противостоять групповым стереотипам и общему «ходу вещей»? Исследование этих аспектов я уже называл нашей сверхзадачей. Стремление наметить подступы к ее анализу придает своеобразие всем нашим общим и частным этюдам. Оно же определяет их отличие от казуальных исследований других историков, как отечественных, так и зарубежных.

<...> главное, что мы стремимся конкретно изучить, это как в разные времена индивидуальный опыт взаимодействовал с принятыми стереотипами. Эта особенность нашего подхода хотя и не «уникальна», но, на мой взгляд, достаточно существенна¹.

Впрочем, Ю.Л. Бессмертный вовсе не ограничивал альманах лишь теми «казусами», которые позволяют приблизиться к разрешению обозначенных выше проблем. Не менее ценными ему представлялись и те «незапрограммированные ситуации», которые позволяют историку выявить черты «культурной уникальности» обществ далекого прошлого:

В подобных случаях открывается самое заветное в прошлом, а средостение, извечно отделяющее историка от изучаемых им героев, становится наименее непрозрачным. И даже если исследователю открываются при этом всего лишь один-два субъекта из отдаленного прошлого, осмысление их образов дает колоссально много для понимания всего их мира. Это как телескоп, позволивший рассмотреть пусть лишь одно живое существо на далекой планете. Конечно же, на той планете могут быть и совсем другие «гуманоиды». Но даже рассмотрев

1. Споры о «Казусе» // Казус. Индивидуальное и уникальное в истории — 1996 / Под ред. Ю.Л. Бессмертного и М.А. Бойцова. Вып. 1. М., 1997. С. 306, 308. Соредактор Ю.Л. Бессмертного М.А. Бойцов в своем выступлении на том же обсуждении отметил: «Что же до „казусов“, то есть осколков исторической реальности, которыми нам более всего интересно любоваться в нынешнюю пору, то у них при всей пестроте есть, как, похоже, следует из обсуждаемого доклада, одна общая черта. Их объединяет между собой тот высказанный или же немой вопрос, с которым их рассматривает историк, и вопрос этот относится к степени самостоятельности, которую может позволить себе исторический индивид в тех или иных заданных ему исторических обстоятельствах. Я бы с легкостью назвал этот подход либеральным и вписал бы его (как и все продуктивное направление, объединенное девизом „человек в истории“) в логику развития послевоенного общества и его исторического сознания. Несколько мешает сделать это лишь ощущение присутствия в его подтексте одного вопроса, который нельзя отнести ни к актуальным, ни даже к „великим“, но стоит провести по категории вечных, — это вопрос о свободе воли (или же, в иной формулировке: о границах этой свободы)» (Там же. С. 311).

лишь одного из них, мы уже совершили бы гигантский прорыв в познании другой жизни (включая, между прочим, и познание ее производственной стороны).

Объясняется это тем, что стержнем любого сообщества одухотворенных существ выступает его культурная уникальность. *Именно ее важно постичь как в мирах иных, так и в каждой из эпох прошлого.* Поэтому одна из важнейших задач исторического познания — в том, чтобы осмыслить конституирующие элементы культурного универсума прошлого, включая, естественно, в первую очередь своеобразие восприятия и поведения людей и их психофизические, ментальные, когнитивные и иные особенности. Если казуальный анализ позволяет сделать это по отношению хотя бы к отдельным людям той или иной эпохи, он уже оправдывает себя и может считаться одним из перспективных инструментов историка¹.

Теперь, когда почти четверть XXI в. позади и мы можем увидеть на книжной полке пятнадцать выпусков альманаха «Казус», как не задаться вопросами: в чем этот подход был продуктивным, а в чем он обнаружил свою ограниченность? К каким «хронотопам» применение данного подхода оказалось наиболее эффективным? Чему нас научил и как нас изменил (и изменил ли) «Казус»? Не рассчитывая получить однозначные ответы на эти вопросы, составители преследуют скромную задачу их актуализации.

В прошлом десятилетии некоторые наблюдатели отмечали постепенное угасание микроистории, охлаждение к ней интереса в академической среде на фоне возникновения «новых поворотов» («цифрового», «пространственного», «экологического» и др.) и возрождения интереса к «глобальной» истории. В наши дни, напротив, возникают оригинальные версии микроистории, обогащенные как теоретическим опытом прошлого, так и методологическими подходами последних лет. Кроме того, актуализируются вопросы о всеобщности «больших процессов», особенностях их локальных проявлений, способности отдельных

1. Там же. С. 317.

людей или случайных событий воздействовать на «большие структуры»¹. Мы полагаем, что опыт «Казуса» может и должен сыграть значимую роль в «новом микроисторическом повороте» в российском академическом пространстве и заинтересовать зарубежных исследователей.

На наш взгляд, исследовательская программа, предложенная основателем и авторами российского альманаха об индивидуальном и уникальном в истории, не может оставить равнодушными современных практикующих историков прежде всего благодаря своему стремлению максимально подробно, во всех деталях разглядеть *конкретного* человека далекого прошлого в его *конкретных* действиях². По словам М.А. Бойцова и О.И. Тогоевой, программа альманаха изначально включала в себя «установку на соразмерность индивиду, то есть в некотором смысле на гуманизацию исторического знания»:

Для «Казуса», так же как и для микроистории, человеческий индивид оказывается не только главной темой исторического исследования, но и универсальным масштабом и подразумеваемым смысловым центром при создании образа прошлого, каким бы сюжетом историк ни занимался (другие направления усматривают такого рода универсальный масштаб

1. См., например: *Davis N. Z. Decentering History: Local Stories and Cultural Crossings in a Global World // History and Theory. 2011. Vol. 50. P. 188–202; Magnússon S. G., Szijártó I. M. What Is Microhistory? Theory and Practice. L.; N.Y., 2013. P. 71–74; Конрад С. Что такое глобальная история? М., 2018. С. 168–182; Леви Дж. Микроистория и глобальная история // Казус. Индивидуальное и уникальное в истории — 2019 / Под ред. О.И. Тогоевой и И.Н. Данилевского. Вып. 14. М., 2019. С. 359–374. Не случайно в 2018 г. крупнейшее британское академическое издательство *Routledge* запустило новую серию книг *Microhistories* и уже опубликовало более десятка книг (<https://www.routledge.com/Microhistories/book-series/MICRO>), а ведущее российское гуманитарное издательство «Новое литературное обозрение» в том же 2018 г. стало инициатором круглого стола, посвященного обсуждению перспектив развития микроистории в России, в том числе в формате книжной серии (https://www.nlobooks.ru/magazines/novoe_literaturnoe_obozrenie/160_nlo_6_2019/article/21779/).*
2. Ю.Л. Бессмертный пояснял: «В отличие от наших предшественников, мы стараемся изучать именно *действия и поступки* людей прошлого» (Споры о «Казусе». С. 308).

и смысловой центр, к примеру, в «нации», «народе», «классе», «массе», «слое», «герое», «закономерности», «ментальности», «культуре», «цивилизации» и многих других)¹.

Кроме того, сохраняет свою методологическую значимость и стремление зафиксировать точку напряжения между «принятыми в обществе нормами и личными устремлениями» индивида (с. 137 в этой книге). Это напряжение, «схваченное» в конкретной исторической ситуации, позволяет получить новую и уникальную информацию о самом обществе. Насколько оно было структурировано? Каковы были пределы допустимого и возможного для отдельно-го человека? Как отличался этот «зазор свободы» в зависимости от того или иного общества прошлого и/или от принадлежности к той или иной социальной группе? Как была устроена система межличностных отношений и какие возможности для ее участников она допускала? Исследовательская программа «Казуса», позволившая поставить эти важные вопросы, открывает новые перспективы для решения важнейшей проблемы исторической науки: какова механика исторических изменений и какова роль в этих процессах отдельных индивидуумов в различных социумах прошлого.

Антология включает в себя два блока — теоретический и практический. Выбор статей, включенных в первый раздел, объясняется относительно просто. В значительной степени он оказался предопределен основателем альманаха: первые три выпуска «Казуса», увидевшие свет при жизни Ю.Л. Бессмертного, открывались острополеми-ческими теоретическими работами (программная статья самого Юрия Львовича «Что за „Казус“?..» в первом выпуске, очерк М.А. Бойцова «Вперед, к Геродоту!» во втором выпуске и статья П.Ю. Уварова «Апокатастасис, или Основной инстинкт историка» в третьем выпуске), каждая из которых вызвала бурное обсуждение (материалы дискуссий также публиковались на страницах альманаха). Эти тексты

1. Бойцов М.А., Тогоева О.И. Дело «Казуса». С. 155.

и составили теоретический блок, который мы посчитали необходимым дополнить статьей Ю.Л. Бессмертного «Многоликая история», напечатанной в третьем выпуске «Казуса», исключительно важной для понимания сути его исследовательской программы.

Во втором блоке представлены опубликованные в первых выпусках «Казуса» исследовательские статьи¹. В этой части антологии нам хотелось, с одной стороны, собрать вместе тексты, наиболее репрезентативно представляющие ту версию микроистории, которую первоначально развивал альманах «Казус», а с другой стороны, обеспечить относительно «равномерное покрытие» различных стран и периодов (с тем, чтобы продемонстрировать, как работает предложенный Ю.Л. Бессмертным подход при изучении различных «хронотопов»). Разумеется, наш выбор в значительной степени субъективен и далеко не претендует на полноту охвата. Однако мы рассчитываем на то, что

1. М.М. Кром в 2003 г. высказал мнение, что большинство опубликованных в «Казусе» исследовательских работ следует называть скорее «историческими миниатюрами», а не микроисторией, «известной нам по работам Гинзбурга, Леви, Медика, Черутти, Сэбиана и других исследователей», так как они не поднимают «никаких крупных проблем, выходящих за рамки рассмотренных там сюжетов» (*Шлюмбом Ю., Кром М., Зоколл Т.* Микроистория: большие вопросы в малом масштабе // *Прошлое — крупным планом.* Современные исследования по микроистории. СПб., 2003. С. 22–23). Однако мы полагаем, что «казусные» статьи, во-первых, нельзя рассматривать вне контекста той исследовательской программы, в рамках которой они были выполнены (вне зависимости от того, относим ли мы эту программу к «микроистории» или нет), а во-вторых, их ни в коем случае нельзя сравнивать с монографическими трудами. Важно подчеркнуть экспериментальный характер этих работ, а также помнить, что речь идет именно об «исследовательских этюдах» (может быть, в чем-то и несовершенных, как и положено быть «этюдам»), призванных на конкретном историческом материале раскрыть научную программу, предложенную Ю.Л. Бессмертным. Впрочем, в третьем издании учебного пособия по исторической антропологии 2010 г. М.М. Кром уже сравнивает «казусный» подход с «эпизодической микроисторией» (по терминологии Б. Грегори), оговариваясь, что «не все работы, опубликованные в альманахе „Казус“, могут служить примером удачного использования микроисторического подхода» (*Кром М.М.* Историческая антропология: Учебное пособие. СПб; М., 2010. С. 162–165).

антология побудит заинтересованных читателей к самостоятельному чтению других статей в альманахе¹.

При подготовке этого сборника неоценимую помощь нам оказали Юлия Александровна Сосорина, а также стажеры-исследователи Научно-учебной лаборатории медиевистических исследований Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики» Дарья Анатольевна Серегина и Ольга Алексеевна Макридина.

Некоторые статьи сопровождаются авторскими послесловиями. Квадратными скобками обозначены примечания, которые отсутствовали в статьях изначально, но были добавлены авторами или составителями при подготовке этого сборника.

1. См. полный указатель опубликованных в альманахе «Казус» статей, составленный О.И. Тогоевой: Казус. Индивидуальное и уникальное в истории — 2020. С. 409–419.